

DOI 10.15393/j9.art.2014.748

Клавдия Валерьевна Сизюхина

*специалист 1-й категории web-лаборатории
филологического факультета ПетрГУ,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
e-mail: klasizz@yandex.ru*

ДНЕВНИКИ А. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМА ЖАНРА*

Аннотация. В статье рассматриваются основные жанровые особенности дневников А. М. Достоевского: содержание, тип изображения, стилистическое своеобразие. Дневники имеют свою творческую историю, но также вписаны в контекст сродного мемуарного источника — «Воспоминаний». Для понимания функциональной направленности дневникового текста важно учитывать возрастные параметры автора. А. М. Достоевский начал вести дневники в позднем возрасте. Основной побудительный мотив — болезнь жены Домники Ивановны. Все записи в дневниках А. М. Достоевского выстроены строго хронологически. Автор лишь один раз почти на два года прервал работу над дневником — на время усиления болезни и последовавшей затем смерти жены. Первым шагом А. М. Достоевского к осмыслению дневниковой формы письма стала переписка с сестрой В. М. Достоевской, на что указывает сам автор. Дневники А. М. Достоевского — семейно-бытовые по жанровому содержанию. Наряду с бытовыми зарисовками, материал дневников включает в себя портретные репрезентации широкого круга исторических персоналий, раскрывает яркие события эпохи. Важное место в дневниках А. М. Достоевского занимают путевые заметки и даты, осмысленные в духе христианского календаря. Данные художественные компоненты сакрализуют хронотоп и стиль дневников А. М. Достоевского. Весьма разнообразны стилистические эксперименты в его дневниках: сновиденческие наблюдения, поэтические экспромты, ведение служебной документации, рисунки, планы.

Ключевые слова: дневник, воспоминания, жанр, язык, сакрализация, стиль, хронотоп

Дневники Андрея Михайловича Достоевского можно рассматривать с двух сопряженных точек зрения: с одной стороны, как обособленный самобытный источник, локализованный в пределах собственной художественной и жанровой индивидуальности, с другой — как составной изобразительный элемент композиционного пространства «Воспоминаний»¹ генетически корреспондируемого мемуарного документа.

О текстологической соотносимости дневников и «Воспоминаний» свидетельствует их хронологическая взаимодополняемость. Работа над «Воспоминаниями» началась в 1875 году, однако затем была приостановлена до ноября 1895 года и окончательно завершена в июле 1896. Дневники же охватывают период с 1884 по 1896 год. За всё это время автор сделал только один перерыв, фактически и психоэмоционально вызванный смертью любимой жены, Домники Ивановны: с 14 марта 1885 (самой записи нет, проставлена только дата) по 13 февраля 1887 года. Таким образом, хронологически дневники выступают своего рода информативным звеном в творческой истории «Воспоминаний».

Целью данной работы является выявление жанрового своеобразия и художественной значимости дневников А. М. Достоевского.

Краткий экскурс в историю возникновения дневников А. М. Достоевского

Андрей Михайлович начал вести дневники в позднем возрасте, будучи уже зрелым человеком. С художественной точки зрения возрастные параметры автора дневника имеют существенное значение для понимания функциональной направленности дневникового текста. По мнению О. Г. Егорова, «начинать дневник на исходе жизни человека подталкивают особые психологические причины» [7, 244] (подробнее о функциональном предназначении дневников см.: [7, 5–6]²). Продолжая свои рассуждения, исследователь очерчивает круг возможных побудительных мотивов, инициирующих «бессознательные движения души автора»: «Это и потеря родных и близких, единомышленников и друзей, и потребность подвести некоторые жизненные итоги, и желание попробовать свои силы в новом роде деятельности (или новом жанре)» [7, 244].

Насколько правомерен означенный тезис в отношении поздних дневников Андрея Михайловича?

Вероятно, изначально дневниковая активность А. М. Достоевского стимулировалась прогрессирующей болезнью его жены Домники Ивановны и в дальнейшем поддерживалась возрастающим стремлением автора к скриптуальной

эмоциональной компенсаторности: преодолеть внутреннее беспокойство, душевную боль посредством внутреннего проговаривания, «удалить тревогу с помощью письма» [6, 249].

К. С. Пигров, уделяющий большое внимание эстетическому значению слова в речевом аппарате дневникового жанра, отмечает: «Дневниковое письмо, схватывая эмоциональное начало в логике текста, предстает как логический катарсис, как рациональное очищение своих страстей» [20, 72], «<....> дневник представляет некую радикальную и доступную каждому технологию спасения человека в его, чаще всего горестной и бессмысленной жизни» [21, 26], «дневник есть одна из форм генезиса индивидуальности» [22, 37].

Однако, как мы видим на примере Андрея Михайловича, не всё можно доверить дневнику, точнее, не каждый психологический пароксизм можно запечатлеть в слове. Подтверждением этому служит упоминаемый нами выше факт хронологической дискретности в ходе устойчивой временной последовательности дневниковых заметок А. М. Достоевского, связанный с усилением болезни и последовавшей смертью Домники Ивановны.

М. Ю. Михеев, анализируя психологическую природу дневникового воспоминания, для характеристики эмоционального и мемориального бесстрашия автора дневника прибегает к понятию «волевое начало», которое заключает в себе внутреннюю психологическую свободу хроникёра от самых гнетущих внешних обстоятельств (см. главу 4 [14, 85–104], или раздел «Ткань воспоминания и волевое начало» [17, 132–133]).

Отталкиваясь от данной формулировки, темпоральные лакуны 1885–1887 гг. вполне можно трактовать в духе аутокогнитивной парадоксальности, когда А. М. Достоевский хочет высказать свою боль, но одновременно боится тем самым воскресить в памяти столь тяжёлые для него воспоминания. Возобновляя прерванную дневниковую активность, Андрей Михайлович объясняет причины нарушения выверенной организационной деятельности по ведению дневника [23]³. Автор предвдваряет начало нового этапа дневниковой работы

следующей экспликативной преамбулой: «Ежедневныя замѣтки по смерти Мамы (Домники Ивановны. — К. С.) и по выѣздѣ отъ меня Женни (Евгенія Андреевна Достоевская — старшая дочь А. М. Достоевского. — К. С.) и Андрюши (Андрей Андреевич Достоевский — младший сын А. М. Достоевского. — К. С.) т. е. съ тѣхъ поръ какъ я остался жить одинъ бобылемъ» (№ 2, л. 31)⁴.

Первая юношеская попытка создания дневникового текста

Рассматривая дневники 1884–1897 годов как уникальный образец данного жанра в литературной практике Андрея Михайловича, нельзя не упомянуть и о первой юношеской попытке автора к художественному осмыслению бытия в дневниковой форме. Во время своего пребывания в Санкт-Петербурге, находясь на попечении брата Федора Михайловича и готовясь к поступлению в училище военных инженеров, А. М. Достоевский состоял в регулярной переписке с сестрой Варварой Михайловной, о чем и оставил развернутый комментарий в «Воспоминаниях»: «<...> я почти ежедневно описывалъ свои впечатленія адресуя ихъ къ сестрѣ Варинькѣ и мужу ея, но хотя я и писалъ ежедневно, но письма отсылалъ однажды въ недѣлю, по нѣскольку листиковъ за разъ <...> Жалѣю очень, что этотъ мой дневникъ первоначальнаго пребыванія въ Петербургѣ[,] пропалъ <...>»⁵. Обратим внимание, что автор подобную совокупность эпистолярных упражнений определяет для себя понятием «дневник» [9], [8, 7]⁶. Видимо, регулярность писания и последовательность в ведении записей, а также хроникальная актуальность изображаемых событий («то, что "берется на карандаш" сразу, в пределах одного-двух-трех дней, в крайнем случае — недели или месяца» [16, 15]) рождает у Андрея Михайловича закономерные ассоциации с дневниковым жанром [15, 47]⁷.

Примечательно, что именно на материале домашнего эпистолярного наследия формируется гипертекстуальное ядро дневников Андрея Михайловича. Каждая заметка обязательно включает в себя упоминание о написанных к родным и полученным от них письмах. Например, «Воскресенье 31го Юля. Утро, и весь день провелъ не выходя изъ дома. Въ 11

утра получилъ письмо отъ Рыкачевыхъ т. е. отъ Женни изъ дачи, и отъ Мих. Алекс. (Михаил Александрович Рыкачев. — К.С.) —» (№ 4, л. 5), или же «Четвергъ бго Августа. День праздничный, утромъ занимался, и оно прошло незамѣтно /писалъ письмо Рыкачевымъ/» (№ 3, л. 10). Все указанные отсылки к переписке можно причислить к разряду индивидуальных дневниковых формул автора, потому что они всегда остаются неизменностью, моделирующей константой и задают семейно мотивированный вектор повествования. В какой-то мере (конечно, не в буквальном выражении) дневники Андрея Михайловича попадают в классификацию эпистолярных — не формально (композиционно), а функционально. Независимо от того, что техника сообщения здесь не выявляет явную конкретную фигуру адресата, читателя дневника, но смыслоопределяющая интенция всегда очевидна: предельная взаимообратимая семейная информативность.

Жанровое содержание дневников

Общий повествовательный фон дневников Андрея Михайловича составляют частные бытовые описания: домашние эпизоды, профессиональные репрезентации. Но, несмотря на видимую семейную камерность дневниковых записей, фокус авторского высказывания обращен к «внешнему "объективному" предметному и социальному миру» [7, 7]. Таким образом, исходя из открытого визуального характера изображения, дневники Андрея Михайловича попадают под типологическое описание «экстравертивных» [7, 7]⁸. Экстравертивность восприятия А.М. Достоевского оттеняет семейно-бытовое жанровое содержание его дневников: «уникальные» биографические детали оказываются вписанными в контекст «всеобщего» [11, 289]⁹. На страницах дневников Андрея Михайловича предстает галерея разнообразных культурно-исторических персоналий — начиная от заурядных представителей местного ярославского общества, до именитых ученых, литераторов, сановников. Правда, как правило, автор не прибегает к развернутым конструктивным или репродуктивным средствам создания образа (о конструктивных и репродуктивных средствах создания

образа см.: [7, 6–7]), чаще всего характеристика того или иного лица имеет вид схематичного наброска, эскиза, исключая рельефную психологическую детализацию. К примеру: «Четвергъ 13го Августа. Вечеромъ мы съ Андреюшкой поѣхали на засѣданіе Архіологич. Съѣзда, которое продолжалось до 9 ½ час<.> вечера. На засѣданіи этомъ я познакомился съ Орестомъ Федоровичемъ Миллеръ, и мы рядомъ съ нимъ сидѣли и говорили. Онъ мнѣ показался довольно симпатичнымъ господиномъ» (№ 3, л. 11 об.). Дневники А. М. Достоевского также включают в себя эпизоды ярких панорамных событий эпохи (к примеру, заметка от 7 августа 1887 года о наблюдении полного солнечного затмения (№ 3, л. 10 об.), серия записей того же года о проведении в Ярославле 6 20 августа 7-го Археологического съезда).

Художественная неразделимость общего культурного и частного бытового в дневниках Андрея Михайловича сближает их с аналогичным мемуарным документом А. Г. Достоевской (подробный анализ жанровых особенностей дневника А. Г. Достоевской см.: [1], [2], [3], [4]). Подобно Анне Григорьевне, А. М. Достоевский даёт скрупулезное и обстоятельное описание прошедшего дня — «с момента пробуждения до приготовления ко сну» [1, 65]: «Среда 19 Августа. Спаль ночью худо, и проснулся въ 7 часовъ. — Утро до 10 ½ часовъ провелъ за занятіями дома; послѣ чего вышелъ въ Губ. Прав. гдѣ просидѣлъ до 3хъ часовъ. — Вечеромъ въ 8 ч. пошелъ къ Окерблomu и тамъ игралъ съ нимъ въ пикетъ по 1/8. Съиграли 8 королей, я выигралъ 40 коп. — Воротившись домой сейчасъ же легъ въ постель около 12 ½ часовъ ночи» (№ 3, л. 13 об.). От взгляда Андрея Михайловича не ускользают никакие бытовые мелочи: автор перечисляет сделанные покупки, сообщает названия магазинов, лавок, информирует о своих проигрышах-выигрышах в карты, даёт отчёт о денежных расходах и т. д. [12, 62]¹⁰.

Несмотря на естественный социальный характер дневникового хронотопа, А. М. Достоевский использует дополнительный приём графологической акцентуации статусной доминанты слова. Он всегда маркирует большими буквами те слова, которые имеют отношение к внешней

институализации: должности («Вице-Губернаторъ», «Младшій Инженеръ», «Губ. Архитекторъ»), государственные учреждения («Строит. Отдѣленіе», «Губ. Правленіе»), рабочая документация («Актъ осмотра»). Авторская интенция здесь вполне очевидна: интонировать в речевом потоке лексические общекультурные монолиты (лексемы-профессионализмы), социализировать текстологическое пространство.

Путевые заметки. Сакрализация дневникового хронотона

Совершенно особое место в дневниках Андрея Михайловича занимают путевые заметки. По роду своей деятельности (ярославский губернский архитектор) А. М. Достоевскому приходилось достаточно много времени проводить в разъездах, что объясняет большое количество записей подобного рода в общем содержании дневникового текста. Дорожные описания автор неизменно сопровождает небольшими лаконичными ремарками, где чётко фиксирует смену пунктов следования, отдельно нумеруя каждый день, проведенный в пути, — и так до конечной точки путешествия, возвращения домой: «Пятница 20го Маія. Поѣздка въ Рыбинскъ», «Суббота 21го Маія. Пребываніе въ Рыбинскѣ» и возвращеніе домой» (№ 3, лл. 70–70 об.). Встречаются в дневнике и путевые заметки неформального личного характера, когда автор отправляется в путешествие по семейным обстоятельствам, а не по рабочей необходимости: к примеру, летняя поездка 1887 года в Даровое, предпринятая Андреем Михайловичем вместе с младшим сыном Андреем (№ 3, лл. 6–8), или его Пасхальный петербургский вояж (№ 2, лл. 43 об. – 49 об.).

Путешествия оживляют ткань дневникового повествования, насыщают его новыми образами, предметными деталями, эмоциональными панорамными зарисовками, в том числе и ретроспективного характера. Посещение Дарового вызывает в памяти Андрея Михайловича ностальгические образы детства, рождает семейные реминисценции: «Все 10ти верстное пространство до поворота въ Даровое, мы проѣхали съ небольшимъ въ часъ; я припоминалъ но иногда смутно тѣ мѣста и тотъ путь по которому, такъ часто ходилъ пѣшкомъ въ дѣтствѣ! — Но наконецъ вотъ и поворотъ. — Съ

этаго поворота сейчас же открылось нашимъ глазамъ Даровое, окруженное вѣковой Липовою рощею. Проѣхавъ Иваново озеро (простой небольшой прудъ) мы подѣхали миновавъ перекрестокъ, къ самой деревнѣ, и я невольно перекрестился, при видѣ той мѣстности въ которой провель Дѣтство» (№ 3, л. 6 об.).

В поездках Андрей Михайлович открывает для себя новые топологические планы, знакомится с пейзажным и культурным колоритом. В силу своего образа деятельности, профессиональных интересов, автора прежде всего интересуют памятники архитектуры — как светские, так и духовные.

Впечатления от увиденного А. М. Достоевский выражает в форме экспрессивно-эмоционального оценочного суждения: дневниковое слово психологизируется, становится «эстетически нагруженным» (подробнее о семантической функции дневникового слова см.: [7, 8]). К примеру: «Четвергъ 9го Іюля. Стоянка въ Нижнемъ Новгородѣ. 2й день путешествія и отпуска. <...> заѣзжали въ новый Соборъ. Отличное зданіе и особо хорошъ иконостасъ, весь рѣзной изъ дерева — безъ позолоты. <...> Въ 9ть утр<a> мы двинулись наверхъ къ Собору. Зданіе хотя послѣдній разъ и отстроено въ 1832 году, но носитъ слѣды древности; такъ какъ въ нижней темной церкви погребены князя Нижегородскіе и Мининъ. <...> Мы всѣ вышли и ровно въ 5 утра пароходъ причалилъ къ пристани. Видъ съ Волги на городъ восхитительный; но Нижняя набережная, — далеко хуже нашей Ярославской; но зато верхніе уступы горъ покрытыхъ дерномъ восхитительны! (курсив мой. — К. С.)» (№ 2, лл. 2 об. – 3).

К слову, Андрей Михайлович неоднократно принимал участие в проектировании и техническом освидетельствовании объектов духовной архитектуры: церковей, часовен, соборов. Духовные архитектурные артефакты служат материальными единицами измерения художественного хронотопа, анимизируют социокультурное ядро текста.

А. М. Достоевский не просто прорывается за границы каменного биографического времени, но и само внешнее историческое время глобализуется до всеобщности христианского императива. Можно сказать, что на уровне путевой

символики происходит сакрализация дневникового хронотопа. Реальность социального хронотопа, его соотносимость с определенным частным срезом эпохи трансформируется в онтологическую общность христианского времени.

Даты. Сакрализация языка

Андрей Михайлович никогда не ретуширует мемориальную основу своих заметок: все записи непременно датированы, а их совокупная целостность образует непрерывную логически выстроенную хронологическую цепочку. Отдельные даты снабжены дополнительными авторскими ремарками [13, 172], [5, 363], [18, 133]¹¹: «Февраля 13го Пятница. Вечерь. Масляница», «Четвергъ 14го Маія. День Вознесенія», «Понедѣльникъ 23 Маія. Св. Леонтія праздникъ на кладьбищѣ», «Воскресень<е> 24 Маія. Троицын<ъ> день», «Четвергъ 17го Декабря. Открытіе Ж. Д. отъ г. Костромы въ г. Ярославль», «Февраля 16го Понедѣльникъ. 9й день по кончине Мамы», «Ноября 25го Воскресенье. Пріѣздъ въ Ярославль Саши», «Воскресен<ье> 26го Іюля. Налита вишневая наливка».

Используемые Андреем Михайловичем заголовки классифицируются по определённым параметрам (социальным и бытовым). Заголовки первого типа (социальные), в свою очередь, можно разделить на две тематические группы: общего свойства и персонализированные, семейные. Подробнее остановимся на характере и значении социальных интродукций общего свойства, точнее на тех из них, которые раскрывают эстетику христианского календарного мышления.

Дневниковый текст Андрея Михайловича насыщен свидетельствами духовной активности автора. А. М. Достоевский ходит в храм, отмечает церковные праздники, присутствует на богослужениях: «Утромъ въ 10½ часовъ, я съ Женичкой и дѣтьми пошелъ ко обѣднѣ въ Андреевскій Соборъ» (№ 2, л. 45), «Одѣвшись въ парадную форму, въ 11 ч. я взялъ извощика и поѣхалъ въ Соборъ. Обѣдню засталъ въ половинѣ. Простоялъ ее и молебень» (№ 4, л. 36), «<...> сѣлъ на конку и доѣхалъ до Исакиевского Собора<,> всталъ и вошелъ въ Соборъ, хотя было уже 11 часовъ, но служба только еще начиналась. Служение было торжественное, пѣвчіе пѣли великолѣпно. Обѣдня кончилась во 2мъ часу дня» (№ 3, л. 60 об.).

Как справедливо отмечает В. Н. Захаров, «из всех символических дат церковного календаря исключительное значение имеет Пасхальный цикл» [10, 136]. На время пасхальных праздников Андрей Михайлович обязательно отправляется в Петербург, чтобы встретить светлый праздник в кругу родных ему людей: «Проснувшись къ чаю, я почувствовалъ себя очень не хорошо: насморкъ сильный и головная боль! однимъ словомъ сильное гриппозное состояніе! Я испугался не того, что заболѣлъ, а того что не попрепятствуетъ ли эта болѣзнь моей предполагаемой поѣздкѣ въ Питеръ!!! Ужь такъ хочется мнѣ поѣхать на Пасху къ дѣтямъ!! (курсив мой. — К. С.)» (№ 4, л. 50). Уже в этом интуитивном стремлении автора к единству, сопричастности проявляется созидательный христианский характер его самосознания. Текстологическая централизация евангельских дат координирует между собой этический христианский модус авторского мировосприятия и эстетический художественный модус дневников. Даты, вписанные в христианский календарь, одухотворяют семантическую функцию слова, сакрализуют языковую оболочку текста.

Дневниковый текст утрачивает статус прикладной документальной эго-реляции, существующей в рамках социального календарного шаблона, и превращается в самостоятельное живое воспитательное слово («не только я веду дневник, но и дневник ведет меня» [21, 33]).

Камерная лингвистическая модель дневников переходит в систему открытого взаимодействия с миром. Посредством сакрализации текстологического пространства автор сакрализует собственную частную историю.

Если сакрализацию дневникового хронотопа условно можно трактовать в духе рефлексаторного путешествия автора вглубь себя, то сакрализация языка — это теория нравственного деятельного воспитания, христианское осмысление жизни, приятие мира в любых его проявлениях, даже самых трагичных.

Стилистические эксперименты

В дневниках Андрея Михайловича встречаются два типа сновиденческих наблюдений. Первое сновидение, наиболее

яркое, попадает в ряд иррациональных, бредовых состояний психологически компенсаторного характера. Автор, погружаясь в стихию неконтролируемой ассоциативной художественности, преодолевает собственные болезненные интроспекции. Второй тип сновидения функционально не включает в себе явного реанимирующего, вытесняющего эффекта и выражает подсознательное стремление Андрея Михайловича к художественному самоопределению, самоосмыслению. Авторское сознание из сгущенной рутинной атмосферы повседневности эскапируется в иллюзорный мир творческой рефлексии.

Приведём небольшой фрагмент первого сновидения: «Понедѣльникъ 16го Марта. <...> однажды дней 10 тому назадъ (очень жаль что я вѣрно не обозначилъ тогда дня) я видѣлъ очень нехорошій сонъ. Мама будто бы перерѣзала себѣ горло бритвой, но не совсѣмъ, и просила меня дорѣзать ее; — что я и исполнилъ очень хладнокровно; какъ будто бы такъ и нужно было. Но это былъ просто кошмаръ» (№ 2, л. 41 об.).

Сновидение передает угнетѣнное психологическое состояние Андрея Михайловича после смерти его жены. Многоплановость используемых образов, калейдоскопичность и комбинаторная непредсказуемость их организации формируют принципиально иной уровень прочтения текста: свободно ассоциативный. Преодолевая свою чисто подражательную функцию (хроникальную, бытописательную), текст из области языкового прагматизма переходит к эстетической игре. Искаженность образов — это способ обратной творческой криптографии: от крайней степени болезненности, сжатости (герметичности) сознания подняться к ассоциативной здоровой модели мышления. Иначе это можно определить как образную игру на парадоксах: возвести иллюзорное в стадию беспредельности, пережить боль как нечто абсолютно ужасное, кошмарное («Но это былъ просто кошмаръ») и тем самым минимизировать, уничтожить реальный болезненный импульс.

В тексте дневников Андрея Михайловича встречаются также спорадические стихотворные цитации.

К примеру, стихотворная приветственная телеграмма от родных к новому 1888 году:

Новымъ годомъ поздравляемъ,
Всего хорошаго желаемъ.
Рыкачевы. Достоевскіе. (№ 3, л. 38)

Или отрывок из сатирического памфлета, услышанного Андреем Михайловичем от Алексея Семеновича Шмакова¹²:

Во Франціи, странѣ свободы,
Счастливъ гдѣ каждый молодець,
Гдѣ каждый созданъ для задора, —
Ума не надо, — будь боець!
А наша родина къ несчастью,
Являетъ грустный образецъ;
Въ ней есть единственный путь къ счастью:
Ума не надо, — Будь подлець! (№ 3, л. 42 об.)

В структуре его дневников имеются множественные служебные описания: осмотр объектов, составление архитектурных планов (в том числе схематичные изображения, наброски на полях), ведение отчётной документации (сметы, акты освидетельствования, осмотра). То, что М. Ю. Михеев конкретизирует понятиями «инородное вкрапление», «экзотическая вещь»: «<...> в текстах мемуарного и дневникового характера могут встречаться экзотические вещи, инородные вкрапления — рисунки, схемы, чертежи, денежные расчеты» [19, 142].

Жанровое своеобразие дневников А. М. Достоевского не исчерпывается указанными компонентами, но они характеризуют их поэтические и стилистические особенности: семейно-бытовое содержание, экстравертивный тип изображения, стилистическую многослойность.

Примечания

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 651-14).

¹ Впервые с сокращениями опубликованы в 1930 г. См.: *Достоевский А. М.* Воспоминания. Л., 1930.

- ² О.Г. Егоров подразделяет дневники на три группы согласно их функциональному предназначению: 1) юношеские, или дневники инициации, отражающие начальный этап психологического становления личности, 2) дневники, «продолжающие летопись жизни, начатую в раннем возрасте» и 3) дневники позднего периода.
- ³ Здесь автор из инертного регистратора фактов и событий трансформируется в собственного «контролёра», наблюдателя, возлагающего на себя ответственность за ход и порядок ведения дневника. Смена функционально-коммуникативных ипостасей автора дневника и вызванная этим лингвистическая трансформация дневникового нарратива стали предметом отдельного исследования Т.В. Радзиевской. Т.В. Радзиевская демаркирует переходные состояния авторской коммуникации по трём основным функциям: мемориальной (фактологическое свидетельство, фиксация текущего момента), организационной (ответственность за ход и порядок дневниковой работы) и аутокогнитивной (психологизация повествования). В зависимости от той или иной исполняемой субъектом функции понятие дневникового жанра обростает новыми изобразительными характеристиками.
- ⁴ Здесь и далее рукописные материалы дневников цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 2–9. Рядом в скобках через запятую указаны номер соответствующей архивной единицы и позиция в тексте в архивной пагинации.
- ⁵ Цит. по: РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. Л. 212.
- ⁶ Исследователи не раз отмечали преемственную связь между этими жанрами и истоки дневника видели как раз в циклично-атрибутивной форме письма. К примеру, см. комментарий А. Зализняк: «Самый близкий к дневнику автодокументальный жанр это письма». Или наблюдение О.Г. Егорова о взаимопроникновении жанров, «гипержанровости» дневника: «Эволюция дневника как литературного жанра не сводилась к дифференциации его структурных элементов. В XIX в. определились четыре формы бытования дневника. Наиболее продуктивной формой (которую можно назвать классической) был собственно дневник. Три другие в той или иной степени были связаны с двумя популярнейшими (наряду с дневником) жанрами нехудожественной прозы — письмом и воспоминаниями. Взаимодействие жанров открывало новые перспективы, прежде всего в плане литературного общения. Самым распространенным после классического дневника был дневник в письмах».
- ⁷ М.Ю. Михеев разделяет понятия собственно дневника и дневникового текста, в которое включает широкий спектр сопутствующих

жанровых разновидностей, в том числе письма: «<...> к *дневниковым* я отношу широкий спектр текстов, удовлетворяющих по крайней мере следующим двум требованиям: во-первых, они имеют в целом автобиографический характер, будучи обращены на мир из субъективного здесь и теперь (иначе их еще называют эго-текстами, или эго-документами: на мой взгляд, сюда могут быть причислены и мемуары, и письма, и альбомы, и даже некоторые устные рассказы); во-вторых, это все-таки не художественная литература, а так называемые *non-fiction* тексты, ориентированные на реально бывшее, а не на творческий вымысел (курсив автора. — К. С.)». Вслед за М. Ю. Михеевым первый опыт документального писания А. М. Достоевского вполне можно было бы расценить как сродную эпистолярную разновидность дневникового текста.

⁸ О. Г. Егоров разделяет дневники по типу изображения: 1) экстравертивные (предмет изображения — внешний мир, социум) и 2) интровертивные (ориентированы на внутренний мир автора).

⁹ Интересно наблюдение К. Кобрин, который посредством социокультурной антиномии «уникальное-всеобщее» раскрывает художественное значение дневника в целом: «он (дневник. — Ред.), хочет этого или нет, фиксирует опыт, который читателем расценивается одновременно как уникальный и всеобщий. Живейший интерес к дневникам балансирует как раз на грани уникального и всеобщего».

¹⁰ Так называемые «жизненные обмолвки», которые, по мнению Л. Н. Летягина, определяют культурную функцию дневника: «культурная функция дневника заключена в обостренном внимании к тем "жизненным обмолвкам", которые в меру своей незначительности вряд ли привлекли бы позднее взгляд мемуариста».

В дневниках Андрея Михайловича авторские ремарки на полях встречаются довольно часто. Почти все из них привязаны к датам в заголовках (датам-интродукциям) и конституируются по типу сжатого топикального высказывания, тезированного переложения общего содержания дневниковой записи. Их главная задача аутокогнитивная ретрансляция, психоэмоциональный комментарий основного нарративного шифра. Даты, предвещающие записи, вынесены за пределы основного текста и по своему художественному эффекту приравниваются к маргиналиям. Они не только поляризуют текстологическое пространство, но и разветвляют, дуализируют само авторское сознание. Автор находит себя в новой художественной ипостаси читателя собственных дневников, то есть от безотнositельного монологического приема передачи информации восходит к диалогической модели косвенной адресации, или внутреннего

проговаривания. Представленную формулу сообщения Ю.М. Лотман называет «автокоммуникацией» и выражает способом психоэмоционального ассоциативного построения: «<...> речь идет о возрастании информации, ее трансформации, переформулировке, причем вводятся не новые сообщения, а новые коды, а принимающий и передающий совмещаются в одном лице. В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций от необходимого человеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самоопознания и аутотерапии». Отсюда рождается вполне закономерное желание объяснить, истолковать, прокомментировать текст, облегчить процесс чтения. Тезисные интродукции к дневниковым записям как раз целенаправленно эффе́кты такого рода: снижение уровня конспирологичности, закрытости текста в глазах потенциального читателя. Стоит отметить, что свои дневники Андрей Михайлович никогда не наделяет сугубо конфиденциальным значением, они всегда ориентированы на адресата: в собирательном виде домашний близкий круг. При всём том развенчивание внешнего имперсонального статуса дневникового сообщения не подавляет его жанровую природу, так как, по словам Н. Д. Арутюновой, форма автокоммуникативной диалогизации в большинстве случаев подразумевает наличие явленного в действительности корреспондента, а «внутреннее проговаривание нередко обращено к реальным лицам, входящим в круг общения субъекта».

- ¹¹ См. замечание М. Ю. Михеева на ту же тему: «В обыденной же литературе (дневниковой прозе и т.д.) адресатом выступает, как правило, не "читающая публика", а какие-то конкретные люди, знакомые автора, или просто он сам <...>».
- ¹² Шмаков Алексей Семенович (1852–1916) племянник А.М. Достоевского со стороны жены. Русский правовед, общественный деятель и публицист. Присяжный поверенный Московской судебной палаты. (К. С.)

Список литературы

1. *Андрианова И. С.* Анна Достоевская: призвание и признания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 124 с.
2. *Андрианова И. С.* Дневник А.Г. Достоевской: творческая история и проблема жанра // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 3 (124). С. 80–81.

3. Андрианова И. С. Концепция жанра дневника А. Г. Достоевской // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. С. 224–240.
4. Андрианова И. С. Литературное наследие А. Г. Достоевской: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2012. 290 с.
5. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. Акад. наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
6. Барт Р. Дневник // Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002. С. 246–261.
7. Егоров О. Г. Дневники русских писателей 19 в.: Исследование. М.: Флинта, Наука, 2002. 288 с.
8. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 282 с.
9. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения: 22.08.2014).
10. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 128–137.
11. Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
12. Летягин Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 56. С. 56–67.
13. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 163–177.
14. Михеев М. Ю. Дневник в России XIX–XX века: эго-текст, или пред-текст. М., 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://uni-persona.srcs.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (дата обращения: 22.08.2014).
15. Михеев М. Ю. Как и кем писались дневники // Московский журнал. История государства Российского. 2006. № 3. С. 47–52.
16. Михеев М. Ю. Мысль на пути между дневником и текстом: особенности памяти дневничиста // Человек. 2004. № 6. С. 150–158.
17. Михеев М. Ю. Мысль на пути между дневником и текстом: особенности памяти дневничиста // Человек. 2005. № 2. С. 131–139.
18. Михеев М. Ю. Фактографическая проза или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 2. С. 137–142.
19. Михеев М. Ю. Фактографическая проза или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 3. С. 132–143.

20. Пигров К. С. Интимный дневник как «простая вещь» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. № 1. С. 64–78.
21. Пигров К. С. Метафизика личного дневника // Вече. 2010. № 21. С. 25–41.
22. Пигров К. С. Творчество и личный дневник // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 34–43.
23. Радзиевская Т. В. Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников // Стил. Белград, 2004. № 3. С. 221–233.

Klavdiya Valer'evna Sizyukhina

*Master of Arts of the Faculty of Philology's Web-Laboratory,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

THE DIARIES OF A. M. DOSTOYEVSKY: THE PROBLEM OF GENRE

Abstract. The article analyzes the key genre characteristics of A. M. Dostoyevsky's diaries: the context, the image type, the stylistic originality. Though the diaries have their own art history, they are also the literary part of the similar memoir document «Memories». The age of the diarist plays an important role in the comprehension process of the diary text functionality. A. M. Dostoyevsky began writing his diaries at the end of his life. Probably the disease of his wife invoked the writing activity. Dostoyevsky made his diary writings in a strictly chronological order. The writer just once was to interrupt the chronological order of his writings because of his wife's death. Dostoyevsky suspended writing his diaries for almost two years. The first time Dostoyevsky initiated himself into the similar form of diary writing was his regular epistolary correspondence with the sister V. M. Dostoyevskaya. That time the writer was in St. Petersburg and described his everyday impressions in letters. The topics of A. M. Dostoyevsky's diaries refer to family and domestic questions. Along with the domestic topic, art materials of the diaries include a wide range of the historical portraits and the descriptions of the meaningful epochal personalities and events. The travel writings and the dates to be comprehended in the spirit of the Christian calendar occupy an important place in A. M. Dostoyevsky's diaries. These art components sacralize the chronotope and the art style of the diaries. The stylistic experiments of the diaries are highly various: dreams, poetic improvisations, official work documents, drawings, plans.

Keywords: diary, memories, genre, language, sacralization, style, chronotope

References

1. Andrianova I. S. *Anna Dostoevskaya: prizvanie i priznaniya: monografiya [Anna Dostoyevskaya: Life's Purpose and Acceptance]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2013. 124 p.

2. Andrianova I. S. Dnevnik A. G. Dostoevskoy: tvorcheskaya istoriya i problema zhanra [A. G. Dostoyevskaya's Diary: the Art History and the Genre Problem]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki [Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Ser.: Social and Humanities]*, 2012, no. 3 (124), pp. 80–81.
3. Andrianova I.S. Kontseptsiya zhanra dnevnika A. G. Dostoevskoy [The Genre Concept of A. G. Dostoyevskaya's Diary]. *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2012. Vol. 10: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]*. Issue 7, pp. 224–240.
4. Andrianova I. S. *Literaturnoe nasledie A. G. Dostoevskoy. Diss. kand. filol. nauk [A. G. Dostoyevskaya's Literary Heritage. PhD philol. sci. diss.]*. Petrozavodsk, 2012. 290 p.
5. Arutyunova N.D. Faktor adresata [The Recipient's Factor]. *Izvestiya Akademii nauk Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series]*, 1981, vol. 40, no. 4. pp. 356–367.
6. Barthes R. Dnevnik [The Diary]. *Bart R. Rolan Bart o Rolane Barte [Barthes R. Roland Barthes on Roland Barthes]*. Moscow, Ad Marginem-Stalker Publ., 2002, pp. 246–261.
7. Egorov O.G. *Dnevniki russkikh pisateley 19 veka: Issledovanie [Diaries of Russian Writers of the 19th Century: Study]*. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2002. 288 p.
8. Egorov O.G. *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka: Istoriya i teoriya zhanra [Russian Literary Diary of the 19th Century. History and Theory of the Genre]*. Ed. 2. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2011. 282 p.
9. Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: the Definition of the Genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2010, no. 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (accessed 22 August 2014).
10. Zakharov V.N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty [The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]*. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 128–137.
11. Kobrin K. Pokhvala dnevniku [Praise to the Diary]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2003, no. 61, pp. 288–295.
12. Letyagin L. N. Lichnyy dnevnik: samosoznanie zhanra [Personal Diary: the Self-Awareness of Genre]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University]*, 2008, no. 56, pp. 56–67.
13. Lotman Yu. M. Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoy» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) [Autocommunication: “I” and “Other” as Addressees (Two Models of Communication in the

- System of Culture)]. *Lotman Yu. M. Semiosfera [Lotman Yu. M. Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, pp. 163–177.
14. Mikheev M. Yu. *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka: ego-tekst, ili pred-tekst [Russian Diary of the 19–20th Centuries: Ego-Text or Pre-Text]*. Moscow, 2006. Available at: <http://uni-persona.src.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (accessed 22 August 2014).
 15. Mikheev M. Yu. Kak i kem pislis' dnevniki [How and Whom Diaries are Written by]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [Moscow Magazine. History of the Russian State]*, 2006, no. 3, pp. 47–52.
 16. Mikheev M. Yu. Mysl' na puti mezhdru dnevníkom i tekstom: osobennosti pamyati dnevnitsista [Thought on the Way between a Diary and a Text: Characteristics of the Diarist's Memory]. *Chelovek [The Human]*, 2004, no. 6, pp. 150–158.
 17. Mikheev M. Yu. Mysl' na puti mezhdru dnevníkom i tekstom: osobennosti pamyati dnevnitsista [Thought on the Way Between a Diary and a Text: Characteristics of the Diarist's Memory]. *Chelovek [The Human]*, 2005, no. 2, pp. 131–139.
 18. Mikheev M. Yu. Faktograficheskaya proza ili pred-tekst. Dnevnik, zapisnye knizhki, «obydennaya» literatura [Factual Prose or Pre-text: Diaries, Notebooks and “Everyday Literature”]. *Chelovek [The Human]*, 2004, no. 2, pp. 137–142.
 19. Mikheev M. Yu. Faktograficheskaya proza ili pred-tekst. Dnevnik, zapisnye knizhki, «obydennaya» literatura [Factual Prose or Pre-text: Diaries, Notebooks and “Everyday Literature”]. *Chelovek [The Human]*, 2004, no. 3, pp. 132–143.
 20. Pigrov K. S. Intimnyy dnevnik kak “prostaya veshch” [A Private Diary as a “Simple Thing”]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Ser. «Filosofiya. Filologiya» [The Messenger of Samara State Academy. Ser.: Social Sciences and Humanities]*, 2008, no. 1, pp. 64–78.
 21. Pigrov K. S. Metafizika lichnogo dnevnika [Metaphysics of a Private Diary]. *Veche [Veche]*, 2010, no. 21, pp. 25–41.
 22. Pigrov K. S. Tvorchestvo i lichnyy dnevnik [The Artwork and a Private Diary]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 2011, no. 2, pp. 34–43.
 23. Radzievskaya T. V. Nekotorye nablyudeniya nad funktsional'no-semanticheskimi i stilisticheskimi osobennostyami dnevníkov [Some Observations on the Functional-Semantic and Stylistic Features of the Diaries]. *Stil' [Style]*, 2004, no. 3, pp. 221–233.